

Е.А.Балашова

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ВО ВРЕМЯ БЕССОННИЦЫ: ОПЫТ РУССКИХ ПОЭТОВ

Автором статьи проанализирован не исследованный ранее корпус лирических текстов с мотивом бессонницы, в частности проведен имманентный анализ стихотворений Г.Семенова и А.Тарковского. Внимание читателя могут привлечь выделенные атрибуты бессонницы, появившиеся в претексте всех стихотворений этой тематики — «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы» А.С.Пушкина. Проведенное на основе историко-генетического и сравнительно-исторического подхода исследование опирается на концепции, методики и результаты современного стиховедения, прежде всего М.Л.Гаспарова и его школы. Результаты исследования, проведенного в настоящей статье, могут быть использованы в научно-исследовательской и преподавательской деятельности, связанной с изучением становления и развития поэзии XX века.

Ключевые слова: русская поэзия, лирика XX века, мотив бессонницы, Глеб Семенов, Арсений Тарковский

Бессонница — одна из наиболее опоэтизированных тем. Возможно, потому, что она всегда только повод говорить о причинах быть разбитым, усталым, тревожным. Вряд ли можно считать, что Пушкин в знаменитых «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы» был первым в описании ночных часов бдения с тягостным бременем собирать разрывающиеся на части мысли, но точно он был самым понятным человеку «нового» времени. Все последующие стихотворения о бессоннице так или иначе сопоставляются с пушкинским, каждое из них может быть воспринято как палимсест: создавая свой текст, поэты «освящали» его пушкинской эстетикой.

Среди «атрибутов» бессонницы у Пушкина — ход часов, вопросы о смысле жизни и «мышья беготня» каждодневной суеты. Так или иначе (по одному или вместе) эти образы переосмысливались разными поэтами. Не останавливаясь подробно на их анализе, вспомним, какой из «атрибутов» доходчивее всего передавал состояние человека, мучимого бессонницей. Так, Вяземский в «Бессоннице (1861)» свои «последние» вопросы адресует *часам*. Пушкинский «однозвучный ход часов» теперь превращается в раздражающий «докучный бой». «Однообразный бой» *часов* томит и героя тютчевской «Бессонницы». Важные («великие») *вопросы* жизни задает в «Бессоннице», как пушкинский герой, герой А.Белого.

Для некоторых поэтов убедительным стал образ «*мышь*», связанный с бессонницей. Слово «мышь» в греческом языке образовалось от глагола «воровать». Косвенное упоминание мыши в метафорике Пушкина способствует в сознании читателя уяснению того, как разъедает счастье мышья беготня жизни, как она ворует спокойствие и осознание значимости прожитых дней.

Стихотворение А.Фета «Хандра» («Непогода — осень — куришь...») показывает человека, который «слава Богу» засыпает. В том виде, в котором стихотворение обычно публиковалось, есть упоминание неутомимо «болтающих» часов. Есть здесь и косвенное упоминание и тревожащих вопросов («Лезет в голову больную / все такая чертовщина»). Все они воскрешают в сознании пушкинские образы:

Непогода — осень — куришь,
Куришь — все как будто мало.
Хоть читал бы — только чтение
Подвигается так вяло.
Серый день ползет лениво,
И болтают нестерпимо
На стене часы стенные
Языком неутомимо.
Сердце стынет понемногу,
И у жаркого камина
Лезет в голову больную
Все такая чертовщина!
Над дымящимся стаканом
Остывающего чаю,
Слава богу, понемногу,
Будто вечер, засыпаю... [1, с. 145-146].

Это — поздняя редакция, к которой приложил руку Тургенев, в целом не принявший стихотворение. Он зачеркнул последние строки. В первоначальной редакции было продолжение из восьми строчек, которые проясняют ситуацию бессонницы и вводят новый образ, хорошо знакомый по пушкинскому стихотворению, — «родственной» мыши крысы:

Но болезненно-тревожна
Принужденная дремота.
Точно в комнате соседней
Учат азбуке кого-то,
Или, кто их знает? Где-то,
В кабинете или в зале,
С писком, визгом пляшут крысы
В худо запертом рояле [1, с. 146]

Эта часть стихотворения была в редакции 1850 г., тогда как поздняя редакция (с тургеневским зачеркиванием) — 1856 г. Экземпляр с первоначальным стихотворением принадлежал И.С.Остроухову (с пометами Тургенева и правкой А.А.Фета) [1, с. 407]. Образ «крыс в рояле» не случаен, связан «с детским чтением Фета: он присутствует в сказке Гофмана “Щелкунчик и мышиный король”» [1, с. 450]. По детской ассоциации крыса-мышь уже не просто ворует время — она несет агрессию, страх.

Мышь как атрибут бессонницы появляется в мандельштамовском стихотворении «После полуночи сердце ворует...», и здесь читатель исподволь будет ощущать страх говорящего:

После полуночи сердце ворует
Прямо из рук запрещенную тишь,
Тихо живет — хорошо озорует:
Любишь — не любишь, ни с чем не сравнишь.

Любишь — не любишь, поймешь — не поймаешь...
Не потому ль, как подкидыш, молчишь,
Что пополуночи сердце пирует,
Взяв на прикус серебристую мышь.
(Март 1931) [2, с. 335].

Взятая «на прикус» мышь скорее всего здесь означает остановившееся время, сливающееся с неподвижностью героя. Это уводит от «подвижности» героя пушкинского: его мысли то бегут в будущее («пророчишь»), то останавливаются на настоящем («зовешь»), то устремляются в прошлое («утраченный день»). Ночные мысли от одного к другому свидетельствуют о своего рода свободе мысли думающего. А с другой стороны, в стихотворении Мандельштама, — застылость момента, понимаемая затаившимся, как мышь, героем. Он не ищет смысла жизни. Это роскошь свободного человека, для которого слова «любишь» или «не любишь» что-то означают... Герой Мандельштама не свободный человек — он «подкидыш», понимающий, что у него нет никаких прав на свободу заявлять о себе, о своих мыслях.

Многие слова претекста Пушкина не стерлись в последующих стихотворениях и стали неотъемлемой частью текстов «Бессонницы» А.Ахматовой, Б.Пастернака, В.Шефнера, Б.Викторова и мн. др. Они не раз становились предметом исследований. Выберем несколько «нерастиражированных» текстов, другие «интерпретации» пушкинского стихотворения.

Весь набор тем цикла «Случайный дом» Глеба Семёнова аккумулирован в стихотворении «Бессонница». Стихи этого цикла создавались в эвакуации в течение 1942—1944 гг., время тяжелое, бесприютное, омраченное не только осознанием «нахлебничества», но и бессилием изменить ситуацию, невозможностью попасть на фронт.

В стихотворении «Бессонница» слились темы личного счастья, мирского суда, истории, судьбы. Думаем, стихотворение Г.Семёнова тоже модифицирует образную систему «Стихов, сочинённых ночью во время бессонницы» А.С.Пушкина: тот же ход часов во мраке, то же свойственное бессоннице горестное замедление жизни, та же осязаемость мгновенья.

«Укол свечи», «рваная рана тишины» у Г.Семёнова в большей степени драматизируют предусмотренный контекстом смысл стихотворения А.Пушкина: в отличие от него, который хочет понять жизнь, найти в ней смысл, лирический герой Семёнова уже знает ответ: равнодушная работа времени затирает его, как ветошку, вплетает в узор людских судеб:

На тишине — от храпа рана рваная,
на темноте — укол свечи.
Проснулся поздно или слишком рано я —
поди, попробуй, различи!

Перевернул подушку, но не спится мне.
Слежу, не поднимая век,
как ходики заржавленными спицами
мгновенья ввязывают в век.

Мгновенье за мгновеньем осязаемо,
плотнее, чем к петле петля.
Со счета не собьет ни храп хозяина,
ни содроганья фитиля.

Ни целый мир — со всеми откровеньями
убожества и красоты.
О равнодушная работа времени,
как по ночам понятна ты!

Что значит поздно, рано или вовремя? —
Все, что ни станет со мной,
навек будет спицами уловлено
сквозь мрак ночной, сквозь храп ночной [3, с. 121-122].

Семенов отказывается от образа парки — вместо этого, подчеркивая безразличие судьбы к отдельному человеку, автор заменяет очеловеченный ее образ образом механической вязки: «Все, что ни станет со мной, / навеки будет спицами уловлено». И как Пушкин, Г.Семёнов ощущает зависимость от рока и невозможность найти опору в окружающем мире.

Арсений Тарковский, в отличие от Г.Семёнова, отказывается от присутствия «я» в стихотворении, но не отказывается от мотива уходящего времени. В 1958 году, особенно продуктивном году для поэта, когда было написано около сорока стихотворений (при этом почти все «в стол»), создается стихотворение «Бессонница»:

Мебель трескается по ночам.
Где-то каплет из водопровода.
От вседневного груза плечам
В эту пору даётся свобода,
В эту пору даются вещам
Бессловесные души людские,
И слепые,
 немые,
 глухие
Разбредаются по этажам.
В эту пору часы городские
Шлют секунды
 туда
 и сюда,
И плетутся хромые,
 кривые,
Подымаются в лифте живые,
Неживые
 и полуживые,
Ждут в потёмках, где каплет вода,
Вынимают из сумок стаканы
И приплясывают, как цыганы,
За дверями стоят, как беда,
Свёрла медленно вводят в затворы
И сейчас оборвут провода.
Но скорее они — кредиторы,
И пришли навсегда, навсегда,
И счета принесли.
 Невозможно
Воду в ступе, не спавши, толочь,
Невозможно заснуть, — так тревожна
Для покоя нам данная ночь [4].

У неспящего оголенные нервы и обостренное слуховое восприятие. И так неприятные звуки еще больше раздражают ночью, как, например, трескающаяся мебель или звук городских часов, к слову, расширяющих пространство, тронутое бессонницей. А образ капающей воды, появляющийся дважды, воспринимающийся пронзительным звуком сверла, напоминает об изощренной пытке.

Болезненное сознание рождает галлюцинацию: вещи получают человеческие души. Из области полумистического мы переносимся в область экзистенциальную. Это «одушевление» вовсе не означает оживление: они «слепые», «глухие» и «немые». Нет оживления и в значении быстрого движения — они «плетутся». Они не действуют, а затаились в предвкушении действия: не пьют, а только вынимают стаканы, не танцуют, а пританцовывают, не входят в двери, а ждут возле них. Отсутствие действия «вещей» повторяют «отсутствие» действий человека, «поделившегося» с ними душой. Кредит данной человеку жизни в виде живой души человек не выплачивает, не может вернуть назад в первоначальном виде (только полуживую, неживую). Откреститься, отдохнуть от мысли, что жизнь прожита не так, как задумывалась, что вся она состоит из не-встреч и не-поступков, не получится. Предъявленные жизнью счета не оплачиваются (живем «хромо» и «криво»): эта мысль, понимаемая «всёдневно», лежащая грузом на плечах думающего человека, ночью панически сверлит в мозгу. Возникает ассоциация: оголенные нервы — оголенные провода. И те и другие вот-вот оборвутся. И те и другие смертоносны. Перед дверьми — ассоциативно связанными с «последними» дверьми — особенной бедой ощущаются невыполненные поручения, неоплаченные счета.

Возможно, данная мысль формируется в момент кризиса пишущего человека. Не случайно же дважды сказано, что души «немые» (плюс косвенное «бессловесные»). Нет возможности вернуть долг по кредиту поэта.

Пушкинские векторы времени (в прошлое, настоящее, будущее) превратились у А.Тарковского в неопределенные, небрежные «туда и сюда». Ход часов убыстряется: в отличие от пушкинского «дня» и «ночи», теперь счет идет на секунды. Современность более взыскательна в прямом смысле слова: на счета наложены пени. Этот опыт общеизвестен для любого поэта — в конце стихотворения местоимение «нам» объективирует переживание не только угасания жизни, но и страха поэтической немоты. Хотя ночь ведет и к вопросу: а о чем говорить? Не стары ли эти переживания, как мир? «Толочь воду в ступе — вода и будет» — упоминаемая автором поговорка говорит и о бессмысленном занятии копаться в душе (копаться в вещах), и о наказании повторять это бессмысленное занятие.

Эстетическое переживание А.Тарковского связано с вещами, но это какие-то абстрактные «вещи». Возможно, эти вещи должны восприниматься нами в русле «я скажу тебе одну вещь» или «вот какую вещь я надумал». Эти «вещи» безусловно другие, чем «стаканы», «водопровод», «сумки»... Они могут характеризовать жизнь человека в определенные периоды его жизни: детство, молодость, зрелость — своеобразные «этажи», по которым эти вещи разбрелись. А образ лифта, с цыганской суетой и неустроенностью помогающий выстраивать эту вертикаль, убыстряет ход времени.

Как видно из приведенных текстов, ночь, данная для покоя и свободы, после «мышьей беготни жизни», мучит человека важными вопросами. Ночью он особенно «гол», сиротлив, всеми брошен. Ничем не управляемая бессонница заставляет человека смириться со своей слабостью. Но — и с силой вопросов, которые он себе задает не переставая.

1. Фет А.А. Собр. соч. и писем. Стихотворения и поэмы 1839—1863 г. / Под общей ред. Г.Д.Асланова и др. Ред. тома Н.П.Генералова, В.А.Кошелев, Г.В.Петрова. СПб.: Академический проект, 2002. 552 с.
2. Мандельштам О.Э. «И ты, Москва, сестра моя, легка...»: Стихи, проза, воспоминания, материалы к биографии; венок Мандельштаму / Сост. и автор вступ. ст. и примеч. П.М.Нерлер. М.: Моск. рабочий, 1990. 560 с. (Московский Парнас).
3. Семёнов Глеб. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2004. 528 с. (Библиотека поэта. Малая серия).
4. Тарковский А. Бессонница [Электр. ресурс]. URL: <https://www.askbooka.ru/stihi/arseniy-tarkovskiy/bessonnica.html> (дата обращения: 24.07.2019).

References

1. Fet A.A. Sobr. soch. i pisem. Stikhotvoreniya i poemyy 1839—1863 g. [Collection of Works and Letters. Poems (1839—1863)]. St. Petersburg, 2002. 552 p.
2. Mandel'shtam O.E. "I ty, Moskva, sestra moy, legka...": Stikhi, proza, vospominaniya, materialy k biografii; venok Mandel'shtamu ["And you, Moscow, my sister, you're a lightweight...": poems, prose, memoirs, biographical materials; a wreath for Mandelstam]. Moscow, 1990. 560 p.
3. Semenov Gleb. Stikhotvoreniya [Poems]. St. Petersburg, 2004. 528 p.
4. Tarkovskiy A. Bessonnitsa [Insomnia]. Available at: <https://www.askbooka.ru/stihi/arseniy-tarkovskiy/bessonnica.html> (accessed: 24.07.2019).

Balashova E.A. Insomnia poetry: Russian poets' experience. The author of the article analyzes the previously unexplored corpus of insomnia poetry. The paper presents an immanent analysis of the poems by Gleb Semenov and Arseny Tarkovsky. The reader's attention can be drawn to the distinguished attributes of insomnia that appeared in the pretext of all poems on this subject — 'Poems composed at night during insomnia' by A.S.Pushkin. The research conducted on the basis of historical-genetic and comparative-historical approaches is based on the concepts, methods and results of modern poetry, primarily M.Gasparov and his school. The findings of the research conducted in this article can be used in research and teaching activities connected to the study of the formation and development of poetry of the twentieth century.

Keywords: Russian poetry, twentieth-century poetry, motif of insomnia, Gleb Semenov, Arseny Tarkovsky.

Сведения об авторе. Елена Анатольевна Балашова — доктор филологических наук (10.01.01 — русская литература), доцент, профессор кафедры литературы Калужского государственного университета им. К.Э.Циолковского; ORCID: 0000-0002-2603-4239; balashova_ea@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.12.2020. Принята к публикации 10.01.2021.

Ссылка на эту статью: Балашова Е.А. Стихи, написанные во время бессонницы: опыт русских поэтов // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1(34). С. 95-99. doi: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).90-94

For citation: Balashova E.A. Insomnia poetry: Russian poets' experience. Memoirs of NovSU, 2021, no. 1(34), pp. 95-99. doi: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).90-94